

А. А. ЧУМИКОВ — ГЕРЦЕНУ

Публикация М. Я. Полякова

Имя Александра Александровича Чумикова (1819—1902), педагога, литератора, издателя «Журнала для воспитания», связано с литературной деятельностью Добролюбова и Ушинского и давно известно их биографам. Однако напрасно мы стали бы искать в работах, посвященных названным деятелям, сколько-нибудь развернутой и углубленной характеристики Чумикова. О нем упоминают мимоходом, причем чаще всего уничижительно, как о человеке недалеком, а главное — лишенном какой-либо определенной общественной окраски. Подобного рода ошибочная трактовка деятельности Чумикова имеет хождение и в наши дни, причем опирается она всего только на один документ: на запись в дневнике юного Добролюбова о его первой, состоявшейся в 1857 г. встрече с издателем «Журнала для воспитания». Последующие же высказывания критика о Чумикове почему-то игнорируются.

В действительности Чумиков, чьи письма 1851 г. к Герцену мы публикуем, отнюдь не был ничтожеством или человеком без «направления». В конце сороковых и в начале пятидесятых годов он был приверженцем и пропагандистом идей Белинского, собеседником молодого Чернышевского, корреспондентом Герцена, т. е. характерным представителем разночинной молодежи, настроенной демократически и оппозиционно. В 1851 г. Герцен считал возможным звать Чумикова в эмиграцию, чтобы «работать вместе» (VI, 431).

Сын ревельского купца, Чумиков поступил в 1836 г. в Петербургский университет, на отделение восточной словесности. Кончил он курс в 1840 г. В университете Чумиков близко сошелся с некоторыми из будущих посетителей знаменитых «пятниц» Петрашевского. Особенно тесная дружба на почве идейной близости возникла у него с А. Н. Плещеевым, братьями А. Н. и В. Н. Майковыми и А. П. Милюковым. После окончания университета Чумиков уехал (в 1841 г.) за границу. Он побывал в Швеции (там он работал в архивах над материалами по русской истории), в Германии, в Англии, во Франции и других странах. В 1842 г. в Риме он познакомился с Огаревым, в Лондоне — с Редкиным, в Париже посещал вместе с Анненковым знаменитые лекции Адама Мицкевича по славянской литературе. На одной из лекций Чумиков послал Мицкевичу записку, упрекая его в крайне тенденциозном освещении событий русской истории, и на следующей лекции Мицкевич публично отвечал Чумикову.

В 1843 г. Чумиков вернулся в Россию. Он решил посвятить себя педагогике и был назначен помощником инспектора классов в Николаевском сиротском институте. В том же году он пытался вступить на литературное поприще. Лекции Мицкевича в изложении Чумикова приняты были в «Отечественные записки», но цензура не пропустила их («Русский архив», 1902, № 10, стр. 188—190; «Русская старина», 1899, № 9, стр. 617—618).

Важную роль в духовном развитии Чумикова после того, как он возвратился из-за границы, сыграл И. И. Введенский и его известный кружок. Сам Чумиков в своих воспоминаниях «Петербургский университет полвека назад» указывал, что идейная жизнь в кружке Введенского определялась теми оппозиционными настроениями, которыми «в большей или меньшей степени была заражена вся интеллигентная молодежь того времени, проникнутая тенденциями Белинского» («Русский архив», 1889, № 9, стр. 134). Для характеристики Чумикова существенный интерес предста-

влияет запись в «Дневнике» молодого Чернышевского (как известно, Чернышевский был одним из участников кружка). Вскоре после публичного объявления приговора петрашевцам Чернышевский встретил у Введенского Чумикова. 28 декабря 1849 г. он записал в дневнике: «Вечером был у Ир. Ив. Введенского. Разговор был о заговорщиках (петрашевцах. — М. П.). Когда я вошел, было уже человека четыре или пять, между прочим, Билярский и другой, как я после узнал, — Чумиков. Я сказал с ними по несколько слов после. Чумиков умнее всех остальных говорил о заговорщиках (...) После говорили и о социализме и т. д. Чумиков решительный приверженец новых учений, и это меня радует, что есть такие люди и более, чем можно предполагать...» (Н. Г. Чернышевский. Полное собр. соч., т. I. М., 1939, стр. 346).

Таким образом, Чернышевский в конце сороковых годов характеризует Чумикова как представителя русской передовой молодежи, увлеченной идеями утопического социализма, охваченной настроениями протеста против самодержавия и крепостного права. Запись Чернышевского свидетельствует также о том, что и после разгрома петрашевцев Чумиков не поколебался в своей «приверженности» к «новым учениям». Режим террора, наступивший в 1848—1849 гг., еще более усилил настроения политического протеста: вновь уехав за границу, Чумиков решил обратиться к Герцену. «Ратуйте, — пишет он, — на вас основаны все наши надежды».

В свете этих фактов становится очевидной неправильность тех характеристик Чумикова, в основу которых кладется отзыв о нем Добролюбова в дневнике от 12 января 1857 г. — отзыв, касающийся не политической физиономии, а только личных качеств Чумикова, его характера. Добролюбов Чумиков показался при первом знакомстве «простодушным, забитым человеком, несколько туповатым, скромным, имеющим притязание на честность, но, по глупости, вероятно не всегда честным» (Н. А. Добролюбов. Полное собр. соч., т. VI, М., 1939, стр. 448).

Давно уже следует внести коррективы в наше представление о том, как относился Добролюбов к Чумикову. Мнение о редакторе «Журнала для воспитания» молодой критик вскоре изменил. В своих печатных отзывах он постоянно давал положительную оценку не только «Журналу для воспитания» и статьям самого Чумикова, но и его личности. В «Заметках о журналах» Добролюбов подчеркивает добросовестность и серьезность издателя: «Это, — пишет он о журнале Чумикова, — предприятие серьезное и добросовестное, а не спекуляция, являющаяся под ученым покровом...» («Современник», 1857, кн. 4, стр. 346—350; ср. Н. А. Добролюбов. Полное собр. соч., т. III. М., 1936, стр. 571).

«Журнал для воспитания», первый педагогический журнал в России, издавался Чумиковым с 1857 по 1860 г. в Петербурге, затем до 1863 г. в Москве. В журнале принимали участие Добролюбов, Ушинский, Редкин, А. Милюков, Лавров, Помяловский и др. Ушинский напечатал у Чумикова пять больших статей, в которых ставил проблему народности воспитания (см. К. Д. Ушинский. Собр. соч., т. II. М., 1948, стр. 15—235 и 626—631).

Журнал сделался органом передовой педагогической мысли. В нем пропагандировалась необходимость обновления и демократизации образовательной системы, поднимались проблемы народности воспитания, ставились вопросы прогрессивной методики обучения, вопросы физического воспитания, вопросы коллегиального управления школой, велась борьба с реакционной педагогикой, с казенным патриотизмом. Сравнивая в сентябрьской книжке «Современника» за 1857 г. издание Чумикова с появившимся в том же году «Русским педагогическим вестником» Вышнеградского — органом, в котором «вялость и скука свили себе, кажется, прочное гнездо», Добролюбов писал, что «Журнал для воспитания» «заслуживает большего почтения. Статья самого редактора „Мысли об устройстве женских училищ в губернских городах“ умна по содержанию и хороша по изложению (...) Вообще „Журнал для воспитания“ г-на Чумикова по многим своим статьям заслуживает, чтоб на него обратила внимание публика. Пока это лучший из педагогических журналов» («Современник», 1857, кн. 9, отд. «Совр. обозрение», стр. 161; ср. Н. А. Добролюбов. Полное собр. соч., т. III. М., 1936, стр. 665).

Сам Добролюбов был одним из наиболее активных сотрудников нового журнала: в течение двух лет (1857—1859) он напечатал там несколько десятков статей и рецензий, посвященных в основном детской и педагогической литературе. Принципиальные боевые выступления Добролюбова сообщали журналу новое направление: благодаря им журнал Чумикова и сделался одним из органов передовой общественной мысли (см. В. Жданов. Николай Александрович Добролюбов. М., 1951, стр. 314).

Однако, когда революционное движение шестидесятых годов пошло на убыль, Чумиков постепенно эволюционировал вправо и, прожив долгую жизнь, закончил свой общественный путь «благонамеренным» чиновником.

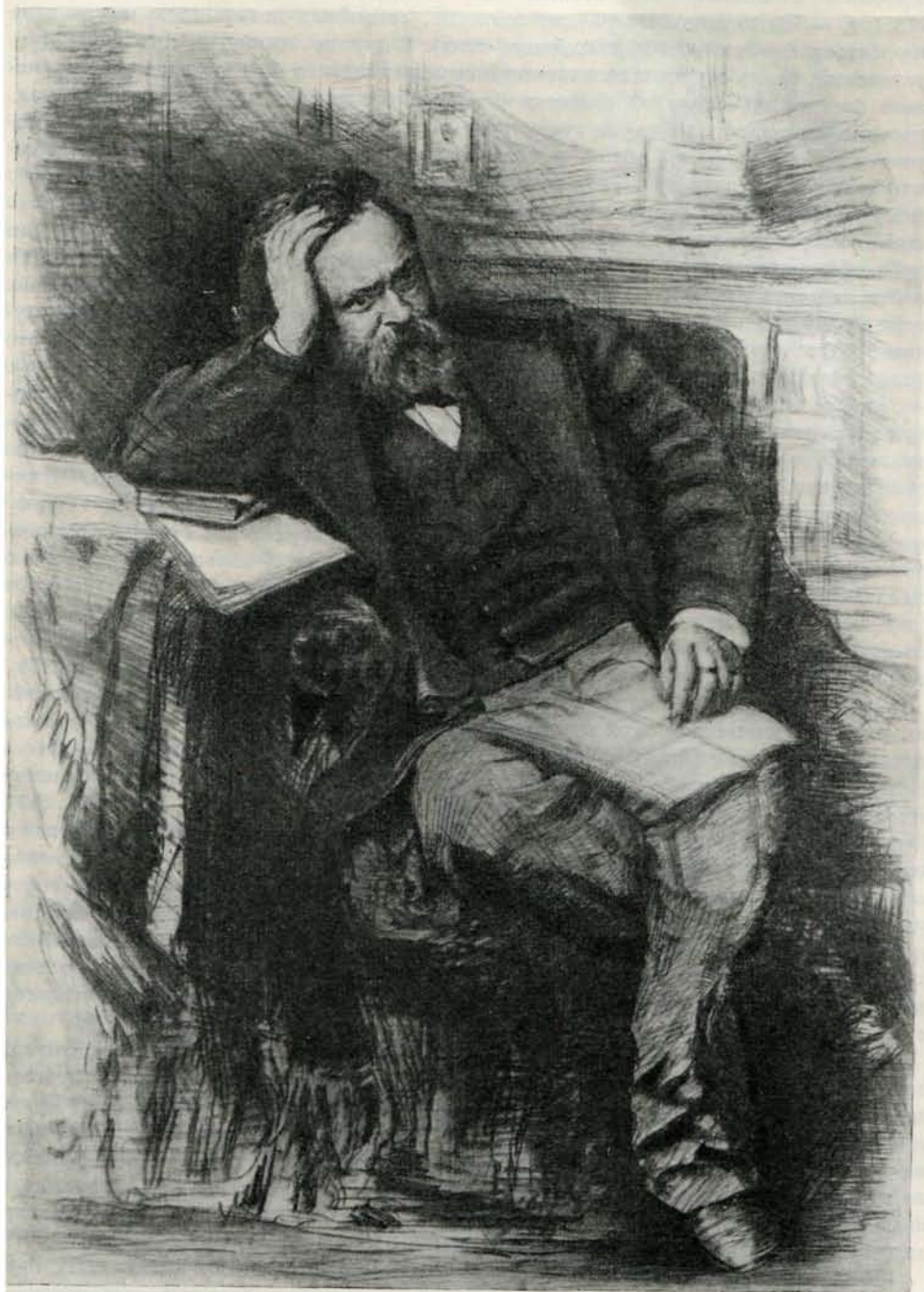
Впрочем, эти годы жизни Чумикова находятся далеко за пределами интересующего нас периода его биографии, той поры, когда он был настроен оппозиционно и участвовал в борьбе демократического лагеря против самодержавия и крепостного права.

Наиболее важным эпизодом идейной биографии молодого Чумикова является, несомненно, его переписка с Герценом. До сих пор мы могли судить о ней на основании всего лишь одного письма Чумикова и трех писем Герцена, из которых одно было напечатано Герценом в «Колоколе» в виде полемической заметки (VI, 427—432; X, 52—53, 56—59; «Голос минувшего», 1913, № 5, стр. 234—236). Сохранившиеся в «спражской коллекции» три письма Чумикова (два из них в отрывках) позволяют осветить эту переписку с гораздо большей полнотой. Возникла она по инициативе Чумикова в самом начале пятидесятых годов, когда царское правительство объявило Герцена лишенным всех прав состояния и навсегда изгнанным из России. В это время Герцен уже предчувствовал неизбежный разрыв с большинством своих прежних московских друзей—либеральных «западников» и, вместе с тем, не имел еще почти никаких связей с представителями более молодого поколения демократической разночинной интеллигенции в России. Вот почему письма неизвестного русского молодого человека, который выражал восторженное преклонение перед авторитетом Герцена, заявлял о сочувствии его деятельности и снабжал его свежей политической информацией и материалами, были для Герцена настоящей радостью, живой поддержкой из России, тем более, что Чумиков выступал не только от своего лица, но и как представитель целой группы единомышленников.

22 июля 1851 г. Чумиков, находившийся тогда в Париже, написал Герцену в Ниццу. Это его первое письмо до нас не дошло. Судя по ответному письму Герцена, Чумиков горячо приветствовал начавшуюся заграничную литературную деятельность автора «С того берега» и предлагал в распоряжение Герцена важные «материалы», привезенные из России. Из публикуемых писем Чумикова мы узнаем, что этими «материалами» (или частью их) были: текст знаменитого «Письма Белинского к Гоголю» и какой-то «список» лиц, из которого Герцен мог усмотреть, что «либералы есть во всех слоях общества». Герцен немедленно откликнулся на письмо Чумикова: «Письмо Ваше от 22 июля * я получил, — писал Герцен 27 июля 1851 г., — и спешу искренно поблагодарить Вас за него. Мне так редко удается слышать симпатическое слово по-русски, хотя я и не сомневаюсь в некотором сочувствии к моим трудам. Не сомневаюсь я потому, что источник их — одна любовь к России, к народу *будущего*. Я никогда не чувствовал яснее, насколько я русский, как в последние годы. Благодарю Вас за предложение и принимаю его с радостью» (VI, 427—428).

Письмо Чумикова пришло в ту пору, когда начатая Герценом острая критика западноевропейской буржуазной демократии и первые опыты революционной агитации, предпринятые им, подверглись осуждению со стороны его ближайших друзей по московскому кружку. Начавшаяся борьба либерального лагеря против революционных позиций Герцена идейно возглавлял Гравовский. Поддерживаемый Боткиным, Коршем, Кетчером и другими московскими либералами, Гравовский пытался внушить Герцену, что, перейдя на положение эмигранта, он оторвался от насущных вопросов русской жизни и что содержание его последних литературных работ не встречает

* У Лемке (VI, 427) опечатка: «22 июня».

ГЕРЦЕН

Офорт В. В. Мата, около 1900 г.

Русский музей, Ленинград

поддержки в России. «Ты стоишь одиноко (...), — писал Грановский Герцену в 1851 г. — Ты пишешь теперь для немногих, способных понять твою мысль и не оскорбиться ею» (см. стр. 96 настоящего тома). В другом письме, от того же 1851 г. Грановский, резко осуждая политический смысл незадолго до того выпущенной знаменитой брошюры Герцена «О развитии революционных идей в России», утверждал, будто эта «несчастливая книга» не существует «для народа или публики», будто «ее получают и прочтут пять или шесть аристократов», будто любовь к Герцену русской молодежи должна погибнуть «под влиянием жалкой брошюры» («Звенья», VI, 1936, стр. 356—358). Эти упреки, за которыми скрывалось стремление либералов заставить Герцена свернуть с революционного пути, причиняли Герцену боль; они усложняли глубокий идеологический кризис, переживавшийся им после поражения революции 1848 г. «Десять раз, — вспоминал впоследствии Герцен, — говорил я о страшных годах между 1850—1855, об этом пятилетнем безотрадном искусе в многолюдной пустыне. Я был совершенно одинок в толпе чужих и полузнакомых лиц... Русские в это время всего меньше ездили за границу и всего больше боялись меня» (XVI, 505).

Вполне понятно поэтому, что письма неизвестного русского друга, который заявлял, что он обращается к автору брошюры «О развитии революционных идей в России» от имени русской свободолюбивой молодежи, видящей в Герцене своего идейного руководителя, Герцен должен был воспринять с чувством глубокой радости. Чумиков, сам того не зная, полемизировал с Грановским; его письма помогли Герцену еще крепче поверить в молодые силы протестующей и борющейся России и установить связь с демократической молодежью. Два года спустя, 6 апреля 1853 г., Герцен писал М. К. Рейхель, имея в виду именно письма Чумикова: «Вся задача состоит в том, чтоб увлечь людей в постоянные сношения; кто эти люди, я не знаю, вероятно, тот молодой человек (Чумиков), который анонимно мне писал энергические письма по-русски в Ниццу, и другие, вроде Петрашевского, Спешневского» (VII, 205).

Письма Чумикова — новое доказательство огромного влияния Герцена на идейное развитие демократической молодежи сороковых годов. Упоминаемая Чумиковым статья «Петербург и Москва», написанная в 1842 г., «обошла, — по словам самого Герцена, — всю Россию в рукописных копиях» (III, 8); она читалась на собраниях петрашевцев («Дело петрашевцев», т. III. М.—Л., 1951, стр. 248, 275—276, 281, 312). Петрашевец Н. С. Кашкин в своей речи о задачах общественных наук использовал и даже текстуально воспроизвел некоторые положения работы Герцена «О дилетантизме в науке». Обращаясь к Герцену, В. А. Энгельсон вспоминал, как в тяжелую минуту жизни попала ему одна из «полных бодрости, дышащих силою статей „О дилетантизме в науке“, напечатанная в журнале, который редактировал наш незабвенный Белинский». «Я читал эту статью(...), — свидетельствует Энгельсон, — затаив дыхание, потому что здесь была для меня новая жизнь» («Владимир Энгельсон и его письма к А. И. Герцену». — «Всемирный вестник», 1907, № 1, стр. 67).

Устанавливая связь с Герценом, Чумиков совершил по тому времени своего рода подвиг. Позже к Герцену в Лондон русские посетители хлынули широким потоком, но в 1851 г. сношения с великим изгнанныком требовали известного мужества; Чумиков знал, что французская полиция и русское посольство могут подвергнуть его письма перлюстрации; правда, Чумиков не всегда подписывался под своими письмами, но так как в эти годы лишь немногим русским удавалось вырваться за границу и каждый находился под особым наблюдением, — всякие сношения с Герценом, даже анонимная переписка, были делом рискованным.

В следующем своем письме к Чумикову, от 9 августа 1851 г. (VI, 428—432), Герцен поделился с ним своими мыслями о перспективах европейского революционного движения, назвав французских рабочих «истинными надеждами истории и человечества». Именно в этом письме Герцен написал замечательные слова, формулируя свои взгляды на коммунизм: «Коммунизма бояться нечего, он же неотвратим, это будет истинная ликвидация старого общества и введение во владение нового». Герцен сообщил Чумикову свой взгляд на русский народ, как на «народ будущего», — взгляд, который лег в основу русского утопического крестьянского социализма (VI, 430).

Герцен правильно определил, что полученные им письма исходят от человека, связанного с кругами петрашевцев. В «энергических письмах» обсуждались действительно те самые вопросы, которые стояли в центре внимания петрашевцев: как организовать пропаганду против крепостничества и самодержавия.

Существенный интерес представляет первое из публикуемых писем — от 5 августа 1851 г. Чумиков предлагает расширить пропаганду русских оппозиционных и революционных идей при помощи печатного станка за рубежом. Он советует «напечатать за границей все то, что ходит рукописно по России, начиная с Пушкина», и предлагает Герцену опубликовать знаменитое «Письмо Белинского к Гоголю» (список он привез из Петербурга с собой). Кроме того, Чумиков намеревался и сам популяризировать этот документ, написав о нем для иностранных читателей специальную статью, что и было им вскоре выполнено. Статья была напечатана в штутгартской газете «Das Ausland».

Передавая Герцену в 1851 г. список «Письма Белинского к Гоголю», Чумиков тем самым продолжал дело распространения этого выдающегося революционного документа, начатое в 1849 г. петрашевцами и оборвавшееся, когда кружок был разгромлен. (История первого сообщения о «Письме» в печати и первой его публикации подробно освещена в «Лит. наследстве», т. 56, 1950, стр. 530—544, где приведено впервые обращение Чумикова к Герцену, а также в работе: Ю. Г. Оксман. Письмо Белинского к Гоголю как исторический документ. — «Ученые записки Саратовского гос. университета», т. XXXI, 1952, стр. 160—166).

Одновременно Чумиков сообщал Герцену некоторые сведения о петрашевцах и о их следственном деле. Сведения эти, представляющие ценность и для современного историка, должны были, несомненно, заинтересовать Герцена. Нужно думать, что он просил Чумикова продолжить информацию о судьбах петрашевцев, привлеченных к следствию и суду. Во всяком случае, второе из публикуемых писем — письмо от 9 августа — содержит дополнительные сведения о деле Петрашевского и его общества. К сожалению, начало письма не сохранилось. Другая важная тема этого письма — полемика с несколькими положениями брошюры «О развитии революционных идей в России» (Герцен послал Чумикову брошюру в ответ на его первое письмо). Особенно резко Чумиков возражал против сделанной Герценом знаменитой ныне характеристики Пушкина и его поэзии. Герцен писал о Пушкине как о поэте глубоко национальном, подлинно народном, который не только «не был ни царедворцем, ни сторонником правительства», но, напротив, был голосом передовой России (VI, 353—359). Чумиков же считал, что Пушкин в последние годы жизни был приверженцем правительства, и сурово осуждал его. Это ошибочное восприятие общественной позиции Пушкина характерно для части разночинной интеллигенции того времени (см., например, знаменитое письмо «Русского человека» в «Колокол», юношеские рукописные газеты Добролюбова, статьи Писарева и др.).

Третье письмо Чумикова, как и второе, дошло до нас не в полном виде. Написано оно в половине августа 1851 г. (не ранее 12 числа) и является ответом на цитированное выше герценовское письмо из Ниццы от 9 августа 1851 г. В этом письме Чумиков ставит вопрос о более тесной связи русских передовых людей с Герценом и революционной пропаганде в России. «Неужели вы, эмиграция, не поможете нашему ретивому юношеству...», — пишет он. Та же тема проходит и через четвертое, дошедшее до нас письмо Чумикова, опубликованное в № 5 «Голоса минувшего» за 1913 г. Когда летом 1859 г. Чумиков снова оказался за рубежом, он в письме к Герцену из Любека от 28 июня 1859 г. резко писал о необходимости более широко и энергично поставить дело пропаганды герценовских изданий в России. Спор о способах распространения этих «апостольских посланий», — как выражается Чумиков, — продолжался и в той части их переписки, которая до нас не дошла, но о существовании которой свидетельствует следующее место из письма Чумикова к Герцену от 28 июня 1859 г.: «Несмотря на ваши оправдания в письме, полученном мною с благодарностью в Гамбурге, я продолжаю о том же предмете, т. е. о наружных средствах распространения апостольских посланий» («Голос минувшего», 1913, № 5, стр. 234).

Предложения Чумикова, сделанные в «начальническом тоне» и к тому же непрактичные, на этот раз рассердили Герцена. Он ответил на поучения Чумикова письмом от 7 июля 1859 г. и специальной статьей в «Колоколе» — «Выговор по службе» (X, 52—53 и 56—59).

На этом обрывается дошедшая до нас переписка Герцена и Чумикова — одна из ранних попыток передовой разночинной молодежи России завязать непосредственную связь с Герценом.

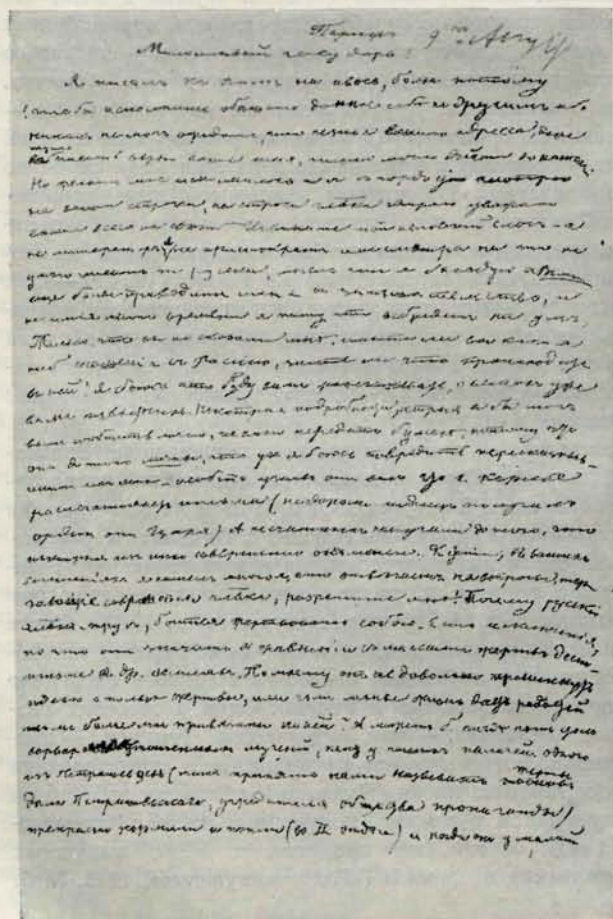
Письма печатаются по автографам «пражской коллекции» (ЦГАОР, ф. 5770, оп. 1, ед. хр. 132).

1

Париж. 5 августа 1851 г.¹

Милостивый государь!

Я писал к вам на авось², более потому, чтобы исполнить обещание, данное себе и другим, ибо никак не мог ожидать, что, не зная вашего адреса, даже не умея писать верно ваше имя, письмо могло дойти до назначения. Но желание мое исполнилось, и я с гордостью смотрю на ваши строки, на строки человека, которого уважаю выше всего на свете. Извините мой неловкий слог — я не литератор, я не аристократ и, несмотря на то, не умею писать по-русски; мысль, что я беседую с вами, еще более приводит меня в замешательство, и, не имея много времени, я пишу, что взбретет на ум. Жалко, что вы не сказали мне, имеете ли вы какие-нибудь сношения с Россиею, знаете ли, что происходит в ней? Я боюсь, что буду вам расска-

АВТОГРАФ ПИСЬМА
А. А. ЧУМИКОВА К ГЕРЦЕНУ
ОТ 5 АВГУСТА 1851 г.

Лист первый

Сверху помета рукой Герцена:
«9-го августа»

Центральный государственный
архив Октябрьской революции,
Москва

далеко до нее) либерализма. Мы все (по списку увидите, что либералы есть во всех слоях общества) сильно упали духом. Посоветуйте нам, что делать, как быть, чтобы не идти назад. Ваше слово — для нас закон, вы наш оркул. С каким энтузиазмом слушали мы ваше сравнение Москвы с Петербургом — мы перечитываем старые «Отечественные записки», потому что в России нет более литературы. Вы авторитет (а нас более, чем вы полагаете), и мы стадо без вождя: руководствуйте нами, пишите более, только не для Европы, а для нас собственно — Европа вас не поймет, она слепа и глуха теперь! Пишите по-русски. Старайтесь найти средство распространять ваши сочинения в отечестве, хоть посредством аэростатов (если иначе нельзя провезти чрез границу), ведь в Берлине уже разбрасывают объявления таким средством. Надо непременно организовать *presse clandestine**, иначе сон наш надолго продлится. Заинтересуйте европейцев, ибо деспотизм в России — деспотизм во всей Европе; пусть помогут нам поляки — они будут стараться о своей свободе. Вы, вероятно, в связях с обществами — мне говорили здесь в «*Propagande démocratique*», что Браницкий — деятельный поборник этого святого дела⁵. Что же я? Я бедный чиновник, который дрожит за свое жалованье, потому что оно только дало ему средство побывать за границей, нашалить и чрез месяц, может быть, сидеть в каземате — ибо *Teufel, deine Macht ist gross!*** Почему знать, что мое письмо к вам не читал здесь г. Киселев⁶ при помощи г. Карлье? Жалкое состояние Франции! С какой вестью возвращаюсь я к своим друзьям; они не верят газетам и поручили мне узнать о положении свободы на самом месте ее казни. Они подумают, что я с ума сошел, когда им скажу (то же, что вы говорите в вашем «*Vom andern Ufer*»): Европа гнила — слова, повторяемые беспрестанно славянофилами или Бурачком⁷. Несколько слов о этом жалком дураке. Зимой, в одном обществе он читал свою рукопись — следствие бесед его с иезуитом Иннокентием⁸ — и которую последний советовал ему напечатать на французском языке (замечу, что она с начала до конца нецензурна). Дело, видите, идет о том, как бы вылечить бедную Европу, — автор много читал, думал, говорит о коммунизме и пр., — она больна, страдает; советует принять ей греческую веру как единое спасение, и затем следует топография... *рая!!!* Ему заметили: знает ли он своего пациента, был ли он в Европе? — «Нет», был его ответ. А человек, право, неглупый и благородный и не ханжа. Замечательное явление — потому что характер! Не должно судить о славянофилах по Шевыреву, сочиняющему сонеты чудотворному образу богородицы; есть между ними люди со светлым взглядом, и я уверен, что, выкапывая из-под хлама и грязи славянинину, они не без задней мысли — именно действовать внизу, на народ, сблизиться с ним и для того, чтобы он не пугался их, — сбросить европейщину... Недаром правительство стало отказываться от *народ(ности)****⁹. Бояться их нечего — если *esprit de parti***** и можете их (...)*** все-таки они дети века и не могут сбросить с себя (...)***, т. е. человеческое образование. Не думайте, чтобы я был их партизан — я как утопающий, хватаюсь за всё!

Читали ли вы Милюкова «Очерк истории русской поэзии»? Это первый опыт истории оппозиции в России (напечатано в 1847 г.) или, если хотите, революционных идей. Он хвалит там только те произведения, в которых бичуют Россию. Он учитель — и за эту книгу в 1849 г. отставили его из гимназии и из кадетского корпуса (Ростовцев и Мусин-Пушкин). Она, впрочем, не что иное, как эссенция (свод) идей Белинского о русской литературе¹⁰. А известно ли вам письмо сего последнего к Гоголю?

* подпольную печать (франц.).

** дьявол, сила твоя велика! (нем.).

*** Оторван угол письма — *Ред.*

**** дух-партии (франц.).

Вероятно, оно явится скоро в немецких и французских газетах, а если нет (до октября), то не худо бы вам его напечатать где-нибудь — оно имеет интерес уже потому, что за него пострадали Достоевский (в каторжную работу) и Плещеев (в солдаты). Я пошлю вам его, равно и еще кое-что, указанным вами путем¹¹. Что касается до материалов, то я, не ожидая от вас ответа, составил для журнала «Ausland» маленькую статью, как бы введение к письму Белинского, и препровождаю вам ее. Более подробностей я не вправе сообщить, ибо они мне вверены по секрету, но я постараюсь вам переслать впоследствии еще что-нибудь, ибо один из ускользнувших участников общества намерен написать о нем. Им предлагали письменные вопросы (между прочим: «Читали ли вы Fourier? Зачем не читали?!») и требовали же таких ответов, в которых должно было содержаться полное profession de foi *. Ответы писались на пятидесяти и более листах! Все это сохранено, и легко узнать могут, что кем пересказано.

Скажите ваш постоянный адрес! Куда даже чрез полгода можно вам писать.

Отвечайте мне на эту посылку в Берлин poste restante¹². Я уеду из Берлина 29 августа нового стиля.

¹ Дата письма определяется ответным письмом Герцена: 9 августа 1851 г. Герцен писал Чумикову: «Письмо Ваше от 5 получил я вчера» (VI, 428). На публикуемом письме карандашная помета Герцена: 9-го августа.

² Речь идет о несохранившемся письме Чумикова к Герцену от 22 июля 1851 г., на которое Герцен ответил 27 июля 1851 г. (VI, 427—428).

³ Пьер Карлье (1799—1858) — префект парижской полиции. Он находился в тесной связи с царским посольством в Париже и оказывал постоянную помощь III Отделению.

⁴ О применении насилия и пыток при следствии по делу петрашевцев сообщается также в ранее неизвестной «Записке» Ф. Н. Львова и М. В. Буташевича-Петрашевского, публикуемой в т. 63 «Литературного наследия» по рукописи из «софийской коллекции».

В статье о Петрашевском В. Энгельсон писал: «Один из осужденных, лейтенант Момбелли, после мучений, которые он потерпел во время следствия, страдал от костоеды» (VI, 158). Кроме того, в той же статье Энгельсон сообщал, что после объявления приговора Момбелли на некоторое время был оставлен в госпитале (там же).

⁵ К. В. Браницкий — бывший флигель-адъютант Н. олая I (см. о нем выше, на стр. 62 наст. тома). В 1848 г. он уехал за границу, будучи большим состоянием, Браницкий материально поддерживал правое — а истократическое — крыло польского национального движения. В подлиннике письма фамилия Браницкого густо зачеркнута другими чернилами.

⁶ Н. Д. Киселев (1800—1869) — русский посол во Франции.

⁷ С. А. Бурачек (1800—1876) — редактор реакционного журнала «Маяк», пошмище прогрессивной печати.

⁸ Повидимому речь идет об Иннокентии, архиепископе Херсонском.

⁹ С усилением реакции правительство готово было видеть революционную опасность даже в уваровском лозунге официальной народности. О том, что реакционные чиновники Д. П. Бутурлин и С. Г. Строганов обвиняли Уварова в «демократизме», см. в воспоминаниях П. В. Анненкова, Две зимы в провинции и деревне. С января 1849 по август 1851 года. — «Былое», 1922, № 18, стр. 8.

¹⁰ В книге А. П. Милюкова (1817—1897) «Очерк истории русской поэзии» действительно использовано много мыслей и высказываний Белинского. Однако в целом «Очерк» не только не отражает историко-литературной концепции гениального критика, а наоборот уводит от его революционно-демократических взглядов в сторону либеральной идеологии, представителем которой являлся Милюков.

¹¹ Герцен рекомендовал Чумикову писать ему либо через известного парижского книгопродавца Франка, либо через банкира Ротшильда.

¹² По свидетельству Герцена Чумиков посылал ему свои письма анонимно (VII, 205). Однако, в настоящем письме, после указания на poste restante, была написана фамилия (подлинная или условная); угол листа с этой фамилией оторван, на краю обрыва сохранилась часть штрихов от зачеркивания.

«Париж. 9 августа 1851 г.»¹

Вот еще некоторые черты:

Белецкий, учитель, бывший однажды на вечере у Петрашевского, был также схвачен и отвезен, равно как и все другие, на время в III Отделение*; там Орлов² за смелые ответы сказал, указывая на него: «Заприте эту каналью». Потом как не принимавший активного участия в обществе выпущен, но, к его несчастью, встретил Иуду-предателя Антонелли (чиновника Перовского, который записывал все, что происходило у Петрашевского) на улице и обругал его, при стечении публики, подлецом и пр. За это его опять взяли и отправили в Вологду; ему запрещено учить и служить, и казна дает всего пять рублей серебром на содержание — живи, как хочешь!³ В Вологду же сослан тот замечательный помещик-коммунист (*à la lettre* **), разделивший свою землю между своими крестьянами. Сначала все шло хорошо, но дьячок того села стал подговаривать соседних крестьян, чтобы они требовали от своих помещиков *** того же... и т. д., и т. д. Посещавший собрания у Петрашевского чиновник 7-го класса Бело-Согло (или Соколов) разжалован в 14-й класс и сослан в Петрозаводск⁴. Он обязан быть на вечерах у губернатора сего града Писарева; если он на них молчит, то Писарев ругает его при всех (как ругает офицер солдата), если говорит — также худо! Самое ужасное, что эти люди пользуются мнимой свободой и терпят нищету и уничтожение. Плещеев, поэт с дарованием, — некоторые его стихотворения (не печатанные) не уступают пушкинским запрещенным, — в солдатах в Оренбурге; мать его просилась туда ехать — не пустили. Мать Петрашевского в угодность царю прокляла своего сына и сказала, что проклинает тот час, в который родила его. Она рада, что сослали сына — ей достался дом, принадлежавший ему. Живущие в этом доме один чиновник-поляк и один уездный учитель были также схвачены. Хватили кого попало. Достоевских, братьев, одного из них продержали невинно в крепости три месяца и потом как в вознаграждение дали 200 р. с.⁵, а (у) него трое детей и беременная жена были без куска хлеба; хорошо, что Краевский помогал им.

При вас ли было дело Афендина, сосланного солдатом на Кавказ?

Ведете ли вы переписку с Головиным? Я читал недавно его *«Mémoires d'un prêtre russe»* ****⁶. Как ему не стыдно так бессовестно лгать! Что страница, то ошибка.

Я был бы человек без мнений или бессовестный льстец, если бы сказал, что во всем с вами согласен (касательно вашей последней книги)⁷. Позвольте сделать несколько замечаний и рад буду, wenn Sie mich eines andern belehren wollen ****.

Pag. 59, lin. 4—12⁸. Ломоносов не был *homme du monde* *****; Кантемир и Сумароков (последний в свое время имел большой вес) и даже Державин — не салонные писатели и parfois ***** погрязнее худших немцев (которых вы, кажется, вообще худо жалуете).

Pag. 77, lin. 12. Пушкина никто теперь не читает. Доказательство, что не может состояться нового издания и старое не возвысилось в цене.

Pag. 79, lin. 13. Пушкин занимался русскою историею менее всякого школьника; и уже одно намерение написать историю Пугачевского бунта

* В подлиннике описка: во II Отделение

** буквально (франц.).

*** В подлиннике описка: крестьян

**** «Воспоминания русского священника» (франц.).

***** Если вы захотите меня поучить уму-разуму (нем.).

***** светским человеком (франц.).

***** иногда (франц.).

показывает, что соглашался коверкать факты; время ли теперь писать вообще какую-нибудь историю русскую?

— lin. 3 снизу. Никто не поверит! Одно заглавие «Клеветникам России» уже мерзко!

Рag. 80, lin. 2 снизу. Мог ли Онегин ждать политических или социальных перемен — это просто fat Невского проспекта.

Рag. 86, lin 3. Неужели это ваше мнение или вы не нашего поколения; мы полагаем, что он очень кстати убрался ad patres*, потому что забыл язык «пророка». Я был в то время в университете — люди с принципами сговорились не идти на похороны⁹.

Рag. 105. Первые труды Полевого в Петербурге помещались в «Библиотеке для чтения»¹⁰, там началось его падение.

Рag. 106. Сенковский никогда не был академиком.

Рag. 110. Как различны мнения! В нашем кругу так радовались статье Чаадаева; бывает боль, сопровождаемая каким-то сладострастным ощущением¹¹.

Рag. 133, lin. 10 снизу. Не знаю, все, кого я знал, приходили в восторг от статей Белинского, и «Отечественные записки» обязаны ему доброю половиною своих подписчиков. Противоречит с pag. 130, lin. 7 снизу¹².

Рag. 149. Что значит exagération **? Неужели он пользовался незаслуженным удивлением?¹³

Мне бы желательно знать, какие русские книги напечатаны за границей (разумеется, не Жуковский, Греч, Рейф и т. п.)¹⁴.

Все книги, писанные против русского правительства по-французски не французами, не читаются иностранцами, исключая разве немногих любознательных немцев, и потому, по-моему, надо иметь в виду только одних русских, и, если их писать для пользы отечества, надо назначать их для среднего класса или, вернее сказать, для людей, жаждущих образования, но и не имеющих средств достигнуть его. Намеки на известные имена, случаи понятны только аристократам или людям со связями и оставляют неприятное впечатление в людях, не посвященных в придворные и городские сплетни. Далее, надо избегать беглых очерков и стараться исчерпывать описываемые предметы. Все поверхностное остается... на поверхности. Не худо, если бы вы при случае заметили г. Головину, что его авторитет в отечестве стоит почти на нуле, потому что он часто говорит о вещах наобум. — Как бы хорошо было, если бы напечатать за границей все то, что ходит рукописно по России, начиная с Пушкина. Если бы вы могли сделаться для России вторым Новиковым, вы бы оказали отечеству величайшую услугу. Для Запада не стоит писать — он оглушел от излишнего умничанья. Как противен мне теперь Париж (а я его любил, когда был в нем юношей, лет восемь, девять назад); деспотизм и произвол не уступает русскому, даже превосходит его иногда. Чем это все кончится?! Французы подобны детям с большими способностями; они упрямы, всё думают знать лучше других и не учатся в школе опыта. Всё изношенные фразы, формы, в которых они барахтаются и не могут быть без них; противоречия на каждом шагу; futilité*** — слово, которое идет только к ним; республиканских нравов — ни тени. Так, как Иисус Христос

* к праотцам (лат.).

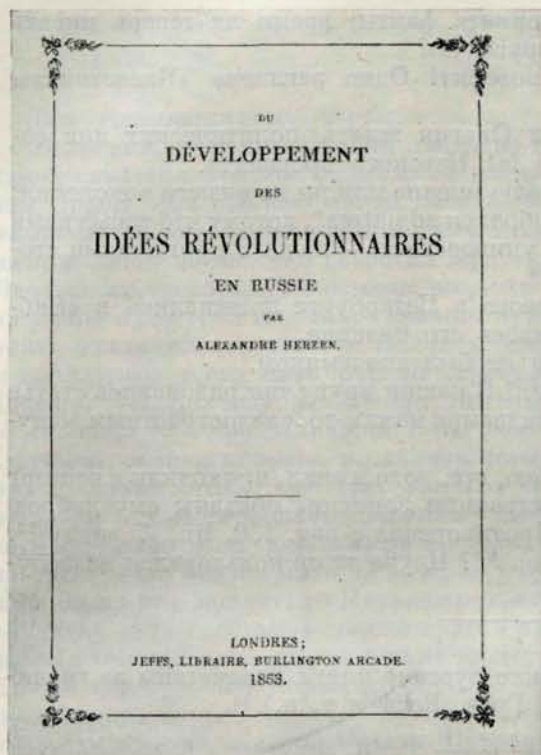
** преувеличение (франц.).

*** пустота (франц.).

«DU DÉVELOPPEMENT DES IDÉES
RÉVOLUTIONNAIRES EN RUSSIE»
(«О РАЗВИТИИ РЕВОЛЮЦИОННЫХ
ИДЕЙ В РОССИИ»)

Второе отдельное издание книги,
Лондон, 1853 г.

Обложка

напрасно трудился для евреев, так и французские писатели мало пользы приносят своим соотечественникам.

Надо мое мارانье нести—сегодня 9 августа,—и еще многое, чего не досказал. Питаю надежду, что найду способы остаться с вами в переписке, если вам угодно будет. Найду людей, которые умнее и красивее меня говорить будут. Я писал урывками, а потому нет ни складу, ни ладу, а переписывать нет физической возможности.

¹ Дата письма указана ниже самим Чумиковым: «Надо мое мارانье нести — сегодня 9 августа».

² А. Ф. Орлов — начальник III Отделения и шеф жандармов.

³ П. И. Белецкий (1819—?) — преподаватель истории в кадетских корпусах. У Петрашевского он не бывал, но его оговорил Антонелли. 9 июля 1849 г. Белецкий был освобожден с отдачей под надзор полиции и с запрещением преподавать; через две недели он нанес публичное оскорбление шпиону Антонелли и был за это выслан в Вологду. См. его письмо к П. С. Билярскому в работе В. М. Истрина: «Письма к академику П. С. Билярскому». («Летопись историко-филологического общества при имп. Новороссийском университете», XVI, Одесса, 1907, стр. 175—176).

⁴ Судьба петрашевца А. П. Баласогло, освобожденного от суда 9 ноября 1849 г. и отправленного в Петрозаводск на службу с отдачей под секретный надзор полиции, могла быть хорошо известна в Петербурге: у Баласогло было немало знакомых литераторов и среди них друзья Белинского — И. И. Панаев, Н. Н. Тютчев, М. А. Языков. Педагогом он был известен как автор учебного пособия, выпущенного им под псевдонимом А. Белосоколово: «Буква ъ. Руководство к употреблению этой буквы в письме» (СПб., 1847). П. В. Анненков вспоминал о «помещавшемся в крепости азбучнике Балас-Оглы» («Былое», 1922, № 18, стр. 6).

⁵ Речь идет о брате Ф. М. Достоевского, литераторе Михаиле Михайловиче Достоевском (1820—1864), который находился в заключении с 6 мая по 24 июня 1849 г.

⁶ Речь идет о книге И. Г. Головина «Mémoires d'un prêtre russe, ou La Russie religieuse», вышедшей в Париже в 1849 г.

⁷ Чумиков имеет в виду брошюру Герцена «О развитии революционных идей в России», вышедшую первым изданием в Париже на французском языке в 1851 г.

⁸ «Большое счастье, для нашей литературы, что наши первые писатели были светские люди» — писал Герцен (VI, 344).

⁹ Чумиков имеет в виду следующие места брошюры Герцена «О развитии революционных идей в России»: «Пушкин — в руках каждого цивилизованного русского, и он перечитывал его всю жизнь»; Пушкин «погружается в изучение русской истории»; «Пушкин не был ни царедворцем, ни сторонником правительства»; «Он (Онегин) всегда чего-то ожидал, как мы все, потому что у человека нет достаточно безумия, чтобы верить в продолжительность теперешнего положения в России»; Пушкин «пал в полном расцвете сил»; о Пушкине «весь Петербург плакал» (VI, 353, 355, 358, 359). Любопытно отметить, что в этом же письме сам Чумиков рекомендует Герцену напечатать за границей сочинения Пушкина, которые «ходят рукописно по России».

¹⁰ В соответствующем месте брошюры Герцена нет ничего о «первых трудах Полевого в Петербурге» (они действительно появились в «Библиотеке для чтения»). Герцен писал, что «падение» Полевого началось в его новом журнале «Сын отечества», который стал выходить в Петербурге с 1838 г. (VI, 368—369).

¹¹ Герцен писал о «Философическом письме» Чаадаева: «Крик скорби и изумления встретил эту статью; она испугала, оскорбила даже разделявших мнения Чаадаева, и, однако, он только высказал то, что смутно волновало душу каждого из нас» (VI, 372).

¹² В брошюре Герцена читаем: «Современники мало его оценили; при жизни он задел слишком много самолюбий, оскорбил слишком много честолюбивых; после его смерти правительство запретило писать о нем...» (VI, 385). Чумиков нашел здесь противоречие со следующими словами: «Вскоре вся Россия воздала должное смелому таланту публициста...» (VI, 384).

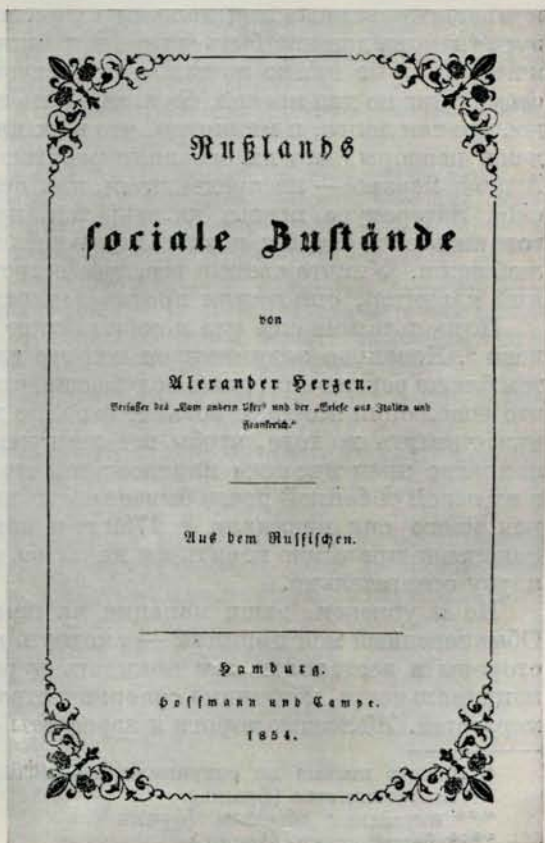
¹³ «А каково значение писаний Гоголя, которым славяне так чрезмерно восхищаются? Разве кто-нибудь приподнял выше, чем он, позорный столб, к которому он пригвоздил русскую жизнь?» — спрашивал Герцен в той же брошюре (VI, 394).

¹⁴ Чумиков имеет в виду издания русской типографии, основанной в начале сороковых годов в Карлсруэ лексикографом Ф. И. Рейфом. В этой типографии печатались словари Рейфа, сочинения Греча, а в 1847 г. — сочинения В. А. Жуковского.

«RUSSLANDS SOCIALE ZUSTÄNDE»
(«СОЦИАЛЬНЫЕ ПОРЯДКИ
В РОССИИ»)

Под таким смягченным для немецкой цензуры заглавием появилось третье отдельное издание книги «О развитии революционных идей в России», Гамбург, 1854 г.

Обложка

(Париж. Не ранее 12 августа 1851 г.)¹

* святого дела! Любопытно было быть на процессе Cabet²; его, как вам, вероятно, известно, обвиняли в *escoquerie* **, надул колонистов. Он славно защищался (т. е. говорил часа четыре), хотя также не без фраз, и на главное обвинение, что распечатавал письма, вовсе не отвечал. У меня были споры с его обвинителями. Никто из них не хотел понять, что каждая новая идея требует жертв — все в обвинение приводили, что такой-то умер на пути, такой-то разорился.

Вы говор(ите) в вашем письме, что русская эмиграция полезна³. Но из богатых немного, кто опшонирует правительству, а бедному нечем жить за границей. Хорошие люди, впрочем, гораздо полезнее дома: образовывать и просвещать общественное мнение, а оно уже начинает окрыляться.^{3/4} людей, оставляющих университеты, наверно совершенно понимают век. К несчастью, ограничено число студентов 300-ми, и дворяне на вступительном экзамене имеют преимущество. Трудно верить подобным *chinoiseries****! Вот еще нечто в подобном роде. Число листов в ежемесячных журналах ограничено 30-ю, под предлогом, что цензорам не время прочитывать. Им не позволено нигде более служить (профессоры вышли еще до сего все в отставку) и возвысили жалованье до трех тысяч рублей серебром. Смешны также новые постановления по иностранной цензуре⁴. Все книги разделены на три категории: 1. Решительно запрещены для *всех* (?). 2. Книги, дозволенные только некоторым лицам. 3. С вырезками. Книги 2-й категории выдаются самую цензурою (а не книгопродавцами, как прежде), и, следовательно, их выписывается только известное цензуре количество и по смерти привилегированных лиц должны их наследниками быть возвращены цензуре (какова должна быть администрация!). Цензура загромождена ящиками, которые прямо из таможни поступают к ней; книгопродавцы ждут своих книг по два месяца, бесятся, — но это ничего — бесятся наши гранды, что так долго, и министры, что в их книгах даже вырезают, бесятся даже цензоры, что их завалили работою — как-то разматается все это? А пока мерзко — не предвидится, как получать дельные книги. А в русской литературе нечего читать; так, например, в повестях запрещено говорить о любви без позволения родителей, о том, что у замужней есть любовник. Уничтожается все, где встречается самостоятельность, сильный характер, оппозиция против родителей и т. п.

Позвольте мне еще раз показать свою малую симпатию к книге Прудона⁵. Невольно задумаешься над его словами, что чем сильнее реакция, тем ближе революция, даже подумаешь, что не только не надо ничего делать, что революция все-таки возьмет свое, но даже что должно помогать реакции: винтить до того, чтобы все лопнуло. Право, французы слынут у нас напрасно практическим народом; то, что нам кажется, удобоисполнимым в их ясной и бойкой речи, бывает часто на деле *non-sens*****. Если взять, как много они начинали с 1789 г. и как мало окончили. Наше молодое поколение привыкло верить им на слово, повторять их фразы и не изучать науку основательно.

Но я увлекся, ваши нападки на немцев лишили меня равновесия. Обыкновенный мой принцип — смотреть в каждом народе только хорошие стороны и заставлять тем покидать дурные, стремиться к уничтожению национальности, источника соперничества, зависти, неприязни, войн и т. п. мерзостей. Железные дороги и аэростаты — вот ответы на вопросы о буду-

* Начало письма не сохранилось. — *Ред.*

** мошенничестве (франц.).

*** китайским обычаям (франц.).

**** бессмыслица (франц.).

щем. Горько только подумать, что оно не для нас! Я очень хорошо понимаю вашу мысль: народ будущего (...) * вместе с покойным А. И. Тургеневым ⁶. Да теперь-то что нам делать? — Неужели вы, эмиграция, не поможете нашему ретивому юношеству, — оно рвется почти на верную погибель. Надо непременно устроить распространение по всему отечеству полезных книг и долбить сначала одно (наши головы крепки): освобождение крестьян. Надо заинтересовать поляков — им лучше известны способы контрабандистов. Не Европа разрушит колосс, а он сокрушится внутренними язвами, а потому споспешествовать эмигрированию, по-моему, не очень полезно. Притом эмиграция наша отчуждается легко от всего отечественного — теряет точку опоры и делается непонятною для толпы (если притом начинает врать, как Головин и даже Н. Тургенев) ⁷. А пророс, интересно знать ваше мнение и вообще подробности о тех немногих русских эмигрантах, которые вам известны, например Сазонове ⁸ — мы ничего об нем не слыхали, а такие люди заслуживают известности и хотя современной славы.

Скоро ли я буду с вами опять беседовать — не знаю, постараюсь чрез какого-нибудь путешественника бросить к вам письмо в каком-нибудь немецком городе или рискну прямо на имя банкира! Во всяком случае, напишите мне ответ на мои послания; вы наверно найдете в них многое, требующее поправок или направок, и — клянусь вам — я вовсе не susceptible ** и могу проглотить порядочную порцию оскорбленного самолюбия, только потому я и других не щажу. Попробуйте написать на следующий адрес: (...) *** рбурге лучше франкировать); я в последней уверен, как в самом себе. Прощайте, обнимаю вас мысленно по-братски. Еще раз: ратуйте — на вас основаны все наши надежды.

¹ Это письмо является ответом на письмо Герцена от 9 августа. Так как письмо Герцена не могло быть получено ранее 12 августа 1851 г., то и комментируемое письмо не могло быть написано ранее этого срока.

² Процесс против французского коммуниста-утописта Э. Каба был возбужден несколькими вернувшимися во Францию членами колонии-коммун, основанной Каба в штате Иллинойс в 1848—1849 гг.

³ В письме к Чумикову от 9 августа 1851 г. Герцен писал: «Эмиграция очень полезна теперь, но русских дельных очень мало; я могу назвать одного Сазонова, человека сильно даровитого и имеющего вес в европейском движении» (VI, 431). О Сазонове см. также во вступительной статье к письмам Сазонова к Герцену, публикуемым в настоящем томе.

⁴ 23 февраля 1850 г. министр народного просвещения предписал Комитету иностранной цензуры разделять книги на два разряда: 1) «не заключающие в себе особой предосудительности», которые можно выдавать «известным лицам с распискою о хранении для собственного употребления», и 2) такие, которые можно выдавать лишь по «высочайшему повелению».

⁵ Речь идет о книге Прудона «Confessions d'un révolutionnaire», 3 édit., 1851, которую рекомендовал Чумикову Герцен (VI, 431).

⁶ Повидимому, Чумиков упомянул имя А. И. Тургенева в связи с тем, что в 1842 г., в Париже, он посещал вместе с Тургеневым лекции Мицкевича о славянских литературах (см. А. А. Чумиков. Мои цензурные мытарства. — «Русская старина», 1899, № 9, стр. 618).

⁷ Речь идет о книге Н. И. Тургенева «La Russie et les Russes», вышедшей в Париже в 1847 г. См. выше в наст. томе публикацию писем Н. И. Тургенева к Герцену.

⁸ См. примеч. 3 к настоящему письму.

* Далее вырезаны две строчки. — *Ред*

** обидчив (франц.).

*** Далее вырезаны две строчки. — *Ред*.